

СОЛИСТКА ОПЕРЫ

ное в профессии певица, повторяясь с годами во многих спектаклях, исполняя партии разного объема, уступая подчас право премьеры дебютантам, все-таки, несмотря ни на что, добиваясь значительности каждого спектакля, ощущения, которое сообщается зрителям и создает особую приподнятую атмосферу приобщения к подлинному искусству.

Это удается Римме Бариновой, и в этом главное, самое ценное качество певицы.

Она поет в Театре имени С. М. Кирова семнадцать лет. Здесь изучила многие партии меццо-сопранового репертуара, получала за успе-

хи почетное звание народной артистки РСФСР и многие другие награды. Театр для нее — родной дом, с ним связана вся творческая жизнь, черты и особенности которой кажутся примечательными, поучительными.

Школа, пройденная Бариновой, началась в вокальном классе Московской консерватории имени П. И. Чайковского у Ксении Георгиевны Держинской.

Имя этой московской певицы и педагога говорит о многом. О поколении выдающихся артистов, укра-

шавших сцену Большого театра СССР. О культуре, значительности личностей, создавших эпоху в истории советской оперы, изучаемую сегодня, как образец и наизидание.

Держинская была в когорте, ведомой великими мастерами А. Неждановой, Н. Обуховой, А. Пироговым, Е. Катульской.

Баринова обучалась, конечно, на уроках, но более всего в Большом театре: ходила туда часто, слушала, наблюдала, трепетала от громовых разносов неутомимого Голованова — дирижера, не считавшегося с именами и авторитетами. Память запечатлевала мизансцены, темпы, интонации: став стажером ГАБТа, Баринова уже знала театр и была, что называется, театральным человеком.

Потому ее ввод в ленинградские спектакли 1954 года (сразу Амнерис в «Аиде») прошел без обычных для молодых певцов «накладок», чрезмерного волнения — казалось, на сцене уже вполне опытная, уверенная в себе певица, для которой все в спектакле близко и известно.

Как и бывает обычно, первые годы работы были преимущественным движением вширь — хотелось петь больше, чаще и разные партии, учить новое, привлекали Верди и Вагнер, Чайковский, Сен-Санс, камерная музыка, даже легкий жанр. За два сезона были выучены все меццо-сопрановые партии репертуара театра. Пелось легко, но не хватало шлифовки, интуиция преобладала над об-

думанностью, эмоции нередко захлестывали в ущерб строгому вкусу. Она чувствовала себя прежде всего солисткой — успех, аплодисменты, похвалы окрыляли.

Постепенно и нелегко происходил отсев того, что было чуждо индивидуальности, освобождение от тщеславия. Помогали черты характера и воспитания: трудное детство в большой семье железнодорожника, ранняя привычка к жизни в коллективе и дисциплине.

Задерживаясь на немногих ролях, Баринова постепенно приучает себя в каждом спектакле находить новое, наслаждаться углублением партии, сохраняя своего рода удивление перед безграничными возможностями воплощения классических оперных образов. Складывается соответствие, гармония между пением и актерским рисунком роли — их единство при решающем, ведущем значении вокальной интонации. Для оперного пения Бариновой остается характерным масштабность звучания, густота, тембровая наполненность — все это дополняется точным расчетом акцентов кульминаций, умением выветрить узловые моменты драматургии, яркостью отдельного штриха: последнее особенно заметно в партии Марфы из «Хованщины» Мусоргского.

Сам певческий стиль Бариновой прост: ровность методической линии, большое дыхание, сдержанность темпов, плавность динамических оттенков — в целом преобладание пения над декламацией.

Что касается актерского драматического рисунка, то он с течением времени становится все менее эффективным, певица ищет выразительности в лаконизме сценических средств. Продуманный скромный костюм, чаще темных тонов, без мишуры, величавость движений, минимум грима — вот, собственно, основной сценический арсенал. Его обоснование нужно видеть не только в индивидуальном вкусе: годы и опыт заставили певицу подчинять индивидуальность общему замыслу спектакля. Такое бескорыстное умение и желание сообразовывать свои действия с композицией спектакля — отнюдь не частое свойство солистов, которым трудно бывает удержаться от того, чтобы не блеснуть перед публикой.

В нынешних поисках Бариновой главное — естественность. Скупой рисунок роли дает пищу воображению зрителя: вы слышите, представляете больше того, что есть на сцене, расширяя и углубляя драму, сюжет, суть образа. Певице чужды оперная отвлеченность некоторых персонажей — символов, чувств, лишенных плоти. Ее следует считать прежде всего певицей русской оперы, непосредственных живых женских характеров с сильными страстями — в операх Чайковского, Мусоргского, бытовых драмах Римского-Корсакова. Когда в «Царской невесте» медленно появляется Любаша, и, свободно переключая оркестр, несется в зал горячие звуки первой арии, зритель понимает: здесь — частица собственной души артистки.

В классических персонажах она рисует вечные характеры: героизм и самоотверженность, величие и возвышенность бескомпромиссной любви, способность к решительным действи-

ям для защиты чувства. Геронии Бариновой всегда находятся в согласии с собой — это натуры цельные, зрелые, для которых любовь — служение, полная отдача человеку. Глубина чувств приближает к нам и Любашу, и Марфу, и сочную шинкарку, и надменную Марину Мишиек, и мать в «Мазеле» — все это грани вечного, а, значит, и современного. Они органично связывают в репертуаре Бариновой классику с женскими образами в талантливых спектаклях: «Семен Котко» С. Прокофьева, «Мать» Т. Хренникова, «Семья Тараса» Д. Кабалевского, «Настя-кружевница» В. Трамбичко — советская опера многим обязана певице.

Дарование, его развитие неотделимы от нравственного облика творца — это аксиома. Чувство общественного долга помогает певице забывать о себе ради тех, кому нужна помощь, опора: значительны общественные заботы артистки, с энтузиазмом преподает она в певческой студии художественной самодеятельности.

Свежесть голоса и гибкость движений достигается не столько специальными упражнениями, сколько таким вот естественным порядком жизни, включающим и творческие встречи, и отзывчивость на критику, и готовность учиться, не считаясь с возрастом и опытом. Есть у певицы неудачи, бывают периоды спада, разочарований — ничто артистическое ей не чуждо. Но будущего она не страшится. Покой ей не грозит, ибо в облике артистки уже сейчас проявляются приметы дара педагогического, режиссерского, аналитического — знание многих элементов вокала, законов сцены.

С. ХЕНТОВА